

Е.И.Чиглова

## СТРАТЕГИИ ОСВОЕНИЯ ЛИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ 2-ГО ЛИЦА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА В РУССКОЯЗЫЧНОМ ОНТОГЕНЕЗЕ

В исследованиях онтогенеза персонального дейксиса на материале русского языка нередко упоминается, что появление в детской речи личных глагольных форм является предвестником появления соответствующих личных местоимений. Подобное заявление делается преимущественно в отношении форм и местоимений 1-го лица единственного числа, а в отношении 3-го лица оно принимается по умолчанию. Исследователи воздерживаются от подобного утверждения относительно глагольных форм 2-го лица единственного числа индикатива. В нашем исследовании эта мысль частично опровергается: если данные формы появляются прежде местоимения «ты», то они являются неадекватными, употребляющимися эгоцентрически или эхολалически, или в виде эхоимитации формы. Ситуативно правильное и адекватное употребление ребенком глагольных форм 2-го лица индикатива имеет место не ранее появления в их речи диады «я — ты». Однако рисунок освоения данных глагольных форм для каждого ребенка является разным. Не все дети проходят через этап ошибочного употребления глагольных форм 2-го лица, либо этот этап очень краткий. Причины подобной разницы — индивидуальные особенности ребенка — его референциальность / экспрессивность, раннее / позднее говорение и особенности инпута.

**Ключевые слова:** детская речь, онтогенез персонального дейксиса, личные местоимения, личные глагольные формы

**В** настоящее время онтолингвисты все больше внимания уделяют вопросу усвоения детьми персонального дейксиса, а именно элементов языка, содержащих указание на лицо, относительно его участия в коммуникативном акте — личных местоимений и личных глагольных форм. Поскольку в центре функционального поля личности находятся личные местоимения, именно они обычно находятся в фокусе исследования. Это работы Г.Р.Добровой, М.Б.Елисевой, Л.Х.Головёнкиной, С.В.Краснощечковой и др. В русском языке элементы персонального дейксиса представлены не только личными местоимениями, но и разветвленной системой глагольных окончаний. Работы, посвященные усвоению глаголов детьми на материале русского языка, также проводятся (Н.В.Гагарина), однако имеют своей целью исследование не столько персонального дейксиса, сколько становления всей глагольной системы в целом. В нашем исследовании мы изучали особенности усвоения персонального дейксиса, установив в фокусе внимания личные глагольные формы и их усвоение относительно личных местоимений.

Г.Р.Доброва в своем фундаментальном труде, посвященном онтогенезу персонального дейксиса, замечает, что появление в речи ребенка глагольных форм 1-го лица является, как правило, предвестником появления в ней местоимения «я» [1]. Затем, согласно Г.Р.Добровой, с разницей в среднем в 0,5 месяцев ребенок начинает употреблять местоимение «ты». В соответствии с этим мы предположили, что глагольные формы 2-го лица будут появляться в детской речи либо одновременно с «ты», либо после него. Таким образом, целью нашего исследования является определение места личных глагольных форм 2-го лица на этапах онтогенеза персонального дейксиса. Следует оговориться, что формы императива, которые также считаются формами 2-го лица, мы не рассматриваем, поскольку считаем, что у них особое положение и они заслуживают отдельного рассмотрения.

В ходе исследования мы решали следующие задачи. Во-первых, мы фиксировали появление личных глагольных форм и соответствующих личных местоимений в речи нескольких детей, уделяя особое внимание формам 1-го и 2-го лица (так называемое ядро личности). Во-вторых, мы сравнили полученные данные с целью выявления неких универсальных особенностей касательно порядка усвоения личных глагольных форм и форм 2-го лица в частности. Здесь следует отметить, что появление формы в речи и её усвоение — не одно и то же. Появление в речи зачастую является начальным или промежуточным этапом усвоения элемента. Следовательно, мы должны учитывать и этот факт. Стабильное и правильное употребление элемента в речи является признаком его усвоенности.

Объектом исследования являются личные глагольные формы и личные местоимения в детской речи. Предмет исследования — усвоение личных глагольных форм относительно соответствующих личных местоимений.

Материалом исследования послужили материнские дневники и срезовые записи спонтанной речи пятерых детей: Феди, Вити, Саши, Сони и Нади. Речь Сони и Нади представлена исключительно материнскими дневниками, при ведении которых матери не фокусировались на фиксации элементов персонального дейксиса. По нашему мнению, подобный материал имеет свои достоинства и недостатки, а именно: с одной стороны, он дает объективную картину речи ребенка, с другой стороны — некоторые элементы, необходимые для нашего исследования, могут быть не приведены. Мать Саши вела дневник с учетом усвоения им личных местоимений, уделяя некоторое внимание и глагольным формам. Речь Вити представлена материнским дневником без акцентирования внимания на персональном дейксисе, а также транскриптами записей спонтанной речи

ребенка, производимыми примерно от 2 до 5 раз в месяц. Последние представляют для нас очень существенную ценность, так как являются наиболее объективными и информативными источниками. Речь Федей была исследована лично автором, фиксировавшим появление дейктических элементов в речи ребёнка с периодичностью раз в неделю. Главное достоинство данного материала состоит в том, что автор исследования наблюдал за ребенком непосредственно и регулярно, что, по нашему мнению, позволило составить наиболее четкую картину его онтогенеза персонального дейксиса. В то же время автор не имел возможности находиться с Федей всё время, как мать, поэтому мы допускаем, что упущения могли иметь место.

Нам представляется излишним приводить примеры речи детей с сохранением их реального фонетического произношения. В связи с ранним возрастом детей произношение звуков и звукокомплексов не соответствует норме, тем не менее в них можно отчетливо узнать вышеозначенные словоформы.

Основные методы исследования — метод сплошной выборки, лонгитюдный анализ и сопоставление данных.

Согласно исследовательскому опыту (и нашему в том числе), первыми в речи ребенка появляются формы повелительного наклонения и инфинитива (в значении императива). Несмотря на релевантные ситуации употребления, это еще не собственно императив и инфинитив — для этого они должны быть частью целостной грамматической парадигмы. Поэтому здесь и далее на протяжении становления грамматикона ребенка мы будем называть появляющиеся в его речи глагольные формы формами 1-го, 2-го и 3-го лица лишь условно. Вслед за формами императива и инфинитива появляются личные формы 3-го лица. Подобный порядок наблюдается практически у всех нормально развивающихся детей. Изредка могут встречаться случаи раннего употребления глагольных форм 1-го лица множественного и даже единственного числа, однако употребляются они, как правило, не в традиционном значении. В этом случае далее следует период отпадения от них до тех пор, пока они снова не возникнут в речи ребенка уже на более позднем этапе освоения глагольных форм.

Затем идет непосредственно «дейктический» этап освоения глагольных форм — освоение форм 1-го и 2-го лица, а также личных местоимений. Согласно Н.В.Гагариной, в этот период в речи ребенка появляются глагольные формы 1-го лица, которые временно противопоставляются формам 3-го лица [2]. Как мы уже упоминали выше, глагольные формы 1-го лица единственного числа являются предвестниками скорого появления местоимения «я» в речи ребенка. Согласно исследованиям, местоимение «ты» возникает вскоре за ним (в среднем через месяц) [1, с. 132]. Когда же в таком случае возникают глагольные формы 2-го лица? Ответ напрашивается один — либо после, либо одновременно с местоимением «ты».

Согласно результатам проведенного нами анализа детской речи, мы пришли к выводу, что вышеуказанный гипотетический порядок усвоения дейктических элементов действительно соответствует реальной картине. Большинство рассмотренных нами детей, а именно Саша, Федя и Витя, начинают употреблять личные формы 2-го лица единственного числа позже личных глагольных форм 3-го лица, 1-го лица (единственного и множественного числа), а также местоимений «я» и «ты». При этом разница между появлением «ты» и соответствующей глагольной формой составляла от 1 до 2 месяцев: Витя — 1 месяц, Федя — 1,5 месяца, Саша — 2 месяца.

Кроме того, несмотря на общее сходство, все три мальчика демонстрировали разный рисунок усвоения личных глагольных форм 2-го лица единственного числа. Так, Федя сразу стал употреблять их в правильном значении («*Ты не победишь!*» (2,6,16 — год, месяц, день)). У Вити первые случаи употребления таких форм заставляют сомневаться в их правильности:

Мама: Подожди. Попробуй.

Витя: Грузик *берешь* руками?

Мама: Что ты руками берешь? (2,5,3)

Контекст заставляет нас думать, что в данном примере Витя говорит о себе во 2-ом лице. Пример днем позже (Витя с мамой рассматривают Витины игрушки):

Мама: Ну давай еще посмотрим, какие у тебя игрушки есть.

Мама: Витюша, ты так сломаешь коробку.

Витя: Машину *даешь*.

Мама: Какую машину, Витенька? (2,5,4)

Здесь вообще можно с равной возможностью предположить, что Витино «даешь» относилось к маме — в значении императива «дай», и в таком случае ребенок все равно правильно уловил обращенность обеих форм к собеседнику; и также можно подумать, что «даешь» было ошибочным вариантом «беру» (двунаправленность лексического значения данного слова зачастую заставляет детей путать значения «дать» и «брать» — именно потому, что они тоже в своем роде дейктичны). Чуть более поздние примеры уже похожи на правильное употребление личной формы 2-го лица единственного числа: «Вини Пух, *хочешь* мям-мям?» «Самому *можешь*, мамуля?» (просит снять ему тапочки) (2,5,12). Тем не менее, все вышеприведенные примеры были зафиксированы после случаев контекстуально правильного употребления Витей местоимений «я» и «ты». Таким образом, можно резюмировать, что Витя не сразу начинает правильно употреблять личные глагольные формы 2-го лица единственного числа. Этому предшествует период ошибочного — эгоцентрического — употребления.

Что касается Саши, адекватному употреблению личных форм 2-го лица единственного числа предшествует ряд случаев имитации и так называемой эхоимитации формы (термин Г.Р.Добровой). Последние

Доброва считает «предвестниками» появления личных местоимений [1, с. 311-313]. Пример имитации:

Мама: Чего ты копошишься?

Саша: *Копошишься...* Поть! (= не мешай) (2,0,26)

Пример эхоимитации формы:

Мама: А что ты сейчас делаешь?

Саша: *Грызешь.* (2,1,4)

Местоимение «ты» в речи Саши появляется, согласно записям, раньше личных глагольных форм 1-го лица единственного числа и формы именительного падежа местоимения «я», что заставляет нас сомневаться в адекватности его употребления: «Ты, мама» (2,1,1). Данный пример вполне может быть имитацией. Дальнейшее отсутствие такого рода примеров в записях, по нашему мнению, косвенно подтверждает это.

Правильное употребление глагольных форм 2-го лица мы встречаем лишь в возрасте 2,3,6: «Ты мне мешаешь, папа, работать». К этому времени ребенок вполне уже освоил местоимение «ты» («Мама, иди. Ты не мешай» (2,1,10)). Таким образом, освоение глагольных форм 2-го лица у Саши имеет ступенчатый, поэтапный характер — от эхоимитаций — через эхоимитации формы — к правильному употреблению.

Как мы говорили ранее, материал по девочкам Соне и Наде представлен наименее полно и поэтому наименее информативен для нашего исследования. Возможно, именно этот факт объясняет некоторую противоречивость и «разорванность» полученной картины. Итак, в результате анализа дневниковых записей речи девочек мы обнаружили отсутствие временного промежутка между появлением местоимения «ты» и появлением соответствующей глагольной формы. В отличие от рассмотренных выше мальчиков, девочки стали употреблять местоимение «ты» и личную форму глагола практически одновременно:

Соня: Мама, куда ты идешь? (2,1,23)

Отметим, что данные языковые элементы появились в речи Сони как бы сразу, без предварительного периода ошибок. Лишь один раз в записях мы встретили пример: «Ася, ты куда?» (1,10,13) в период, когда отсутствовали какие бы то ни было когнитивные предпосылки — не было ни личных форм 1-го лица, ни местоимения «я». Фактически девочка еще только начинала продуцировать звукокомплексы, соответствующие глагольным формам 3-го лица. Более того, за весь последующий период ни местоимение «ты», ни личные глагольные формы 2-го лица не встретились в записях ни разу. Конечно, мы допускаем, что мать могла пропустить употребление «ты» дочерью, особенно если была сосредоточена на лексике и грамматических явлениях, не связанных с дейксисом.

Что касается Нади, у неё так же, как и у Сони, местоимение «ты» и личная глагольная форма 2-го лица возникают в записях одновременно:

Надя: Я иду гулять, а ты ругаешься (2,2,27)

Тем не менее, глагольные формы 2-го лица в её речи встречались и ранее:

Бабушка: Что делаешь?

Надя: Делаешь (до 2,2,23).

Бабушка: Что делаешь?

Надя: Читаешь (2,2,23).

То есть у Нади, как и у Саши, был период простых эхоимитаций и эхоимитаций формы. Они были уже тогда, когда Надя говорила о себе «я» и употребляла соответствующие глагольные формы: «*В магазин поеду на машине*» (1,10,5), «*Погасила, а я включила*» (2,2,8).

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1. Наша гипотеза полностью подтвердилась: личные глагольные формы 2-го лица единственного числа действительно появляются тогда, когда в речи ребенка уже есть личные глагольные формы 3-го лица, глагольные формы 1-го лица единственного числа и местоимение «я». В некоторых случаях они появляются одновременно с местоимением «ты», в большинстве случаев — когда местоимение «ты» ребенок уже употребляет какое-то время. Важно, что здесь мы имеем в виду именно нормативное употребление, не эгоцентрическое, не имитации и не эхоимитации формы.

2. Стратегии детей при освоении личных глагольных форм 2-го лица единственного числа могут быть различными. Одни, как Федя или Соня, начинают сразу продуцировать данные формы правильно. Другие проходят этот путь через ошибки: эгоцентрическое употребление (когда «делаешь» = «делаю»), как Витя; имитации и эхоимитации формы, как Надя и Саша. Причины наличия подобной разницы нам видятся две. Во-первых, это индивидуальные особенности ребенка — а именно принадлежащее К.Нельсон [3] деление детей на референциальных и экспрессивных. В своих крайних вариантах первые более склонны к номинации, освоению лексики и вообще раннему говорению, а вторые — к имитации, освоению дейксиса и словоизменения, нередко их речевое развитие отстает от развития референциальных детей. Из всех рассмотренных нами детей наиболее выраженным экспрессивным типом является Федя. Остальные дети примерно в равной степени обладают референциальными и экспрессивными чертами с отклонениями в ту или другую сторону. Еще одной индивидуальной особенностью является то, что одни дети начинают говорить раньше, а другие — позже. Последние наименее склонны к ошибкам и «промежуточным» этапам освоения. Создается впечатление, что они «молчали» и перерабатывали информацию, чтобы, заговорив, сразу выдать её правильно. Наиболее поздно заговорившим опять является Федя (после 2,0,0), и усвоение им дейктических элементов протекало с наименьшим количеством ошибочных употреблений. Таким образом, позднее говорение нередко является

предпосылкой того, что ребенок начинает употреблять дейктические (и не только) элементы сразу и без ошибок.

Во-вторых, большое влияние оказывает инпут — речь, которую слышит ребенок. Так, мама Вити была склонна сравнительно часто употреблять личные формы 2-го лица: проанализировав около 300 обращенных к ребенку и содержащих глагольные формы высказываний, мы обнаружили, что доля высказываний с вышеозначенными формами составляет около 19%. Для сравнения: в инпуте Феди этот показатель равняется 14%, однако главное не это. Большинство подобных высказываний мамы Вити имеют так называемое ситуативное подкрепление, а именно они приурочены к действиям самого ребенка: «Ищешь страничку?», «Что ты глазки закатываешь?», «Ты просишь, да?», «Что ты мне ножку протягиваешь?», «Киваешь?», «Правильно качаешь головой» и т.д. Ситуативное подкрепление многократно усиливает влияние инпута [4]. Это, возможно, является одной из причин того, что Витя довольно рано (относительно глагольных форм 3-го лица) начал употреблять личные глагольные формы 1 и 2 лица и местоимения «я» и «ты» — через 1,5 месяца. Для сравнения: Саша — через 2 месяца, 22 дня, Соня — через 3 месяца 5 дней, Федя — через 3 месяца 19 дней, Надя — через 4 месяца.

Таким образом, стратегии усвоения дейктических элементов ребенком во многом зависят от двух факторов: индивидуальных особенностей ребенка и речевого инпута. Однако даже при разнице этих показателей порядок усвоения основных дейктических элементов имеет универсальный характер. Причина позднего усвоения данных элементов видится нам в характере самих дейктических элементов, требующих для своего усвоения определенных когнитивных предпосылок, а именно — преодоления ребенком «эгоцентрического» этапа.

1. Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства): Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. С. 131-132.
2. Гагарина Н.В. К вопросу о принципах анализа грамматических категорий и глагольных форм в детской речи // Сибирский филологический журнал. 2008. № 4 [сентябрь]. С. 173-181.
3. Nelson K. Structure and strategy in learning to talk. Monographs of the Society of Research in Child Development 38. Chicago, 1973. 137 p.
4. Veneziano E., Parisse C. The acquisition of early verbs in French: Assessing the role of conversation and of child-directed input // First Language. SAGE Publications, 2010. Vol. 30. № 3-4. P. 287-311.

#### References

1. Dobrova G.R. Ontogenez personal'nogo deiksisa (lichnye mestoimeniia i terminy rodstva) [The Formation of Personal Deixis: Personal Pronouns and Kinship Terms]. Saint Petersburg, 2003, pp. 131-132.
2. Gagarina N.V. K voprosu o printsipakh analiza grammaticheskikh kategorii i glagol'nykh form v detskoj rechi [On the Question of the Principles of Analysis of Grammatical Categories and Verb Forms in Child Speech]. Sibirski filologicheskii jurnal — Siberian Philological Journal, 2008, no. 4, pp. 173-181.
3. Nelson K. Structure and strategy in learning to talk. Monographs of the Society of Research in Child Development 38. Chicago, 1973. 137 p.
4. Veneziano E., Parisse C. The acquisition of early verbs in French: Assessing the role of conversation and of child-directed input. First Language, SAGE Publications, 2010, vol. 30, no. 3-4, pp. 287-311.

**Chiglova E.I. Strategies of the 2nd person verb forms acquisition in Russian language formation.** In studies of the formation of personal deixis based on the material of the Russian language it is frequently referred that the appearance of finite verb forms designates the forthcoming of the related personal pronouns. This statement mostly concerns 1st person verb forms and pronouns, whereas the situation with the 3rd person is concerned the same by default. The scholars refrain to state this about the 2nd person verb forms of the indicative. We partly rebut this statement in our research: in case the above-mentioned verb forms appear before the pronoun “you”, they are considered inadequate, egocentric or echolalic, or echolalic imitations of form. A child begins to use contextually adequate and correct 2nd person verb forms of the indicative no sooner they master the “I-you” dyad. However, the pattern of acquisition of these verb forms varies from child to child. It is not obligatory that all children must go through the stage of incorrect usage of the 2nd person verb forms, or this stage is very short. We consider a child's personal individuality — his referentiality / expressivity, early / late speaking and characteristics of the input as the reason of the above stated difference.

**Keywords:** child speech, formation of personal deixis, personal pronouns, finite verb forms.

Сведения об авторе: Е.И.Чиглова — аспирант, кафедра отечественной филологии и прикладной коммуникации, Череповецкий государственный университет, Гуманитарный институт; [osminkinae@gmail.com](mailto:osminkinae@gmail.com).

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.05.2018.